

УДК 94(47)«18/19»

**СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОЧНИКИ,
МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
(на материалах губернских центров Центрально-Черноземного региона)**

© **Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА**

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: strekalovanv@mail.ru

Исследование взаимосвязи пространственных и социальных структур в российском провинциальном городе в конце XIX – начале XX в. является одним из актуальных направлений современной урбанистики. Рассмотрены проблемы пространственной дифференциации населения провинциального губернского центра. Исследованы социальные аспекты вопроса владения городской недвижимостью. Проанализированы возможности использования сведений массовых источников, обработанных и внесенных в электронные базы данных с последующей их визуализацией на картографическом материале конкретного города для исследования социально-профессиональной, сословной, имущественной пространственной дифференциации населения российского провинциального города в конце XIX – начале XX в. В социальном зонировании провинциального города нашло отражение сложное сочетание классовых и сословных элементов российского общества конца XIX – начала XX в. Топографический дуализм в провинциальном губернском центре аграрного региона был выражен менее контрастно, нежели в столичных городах и крупных промышленных центрах. Однако пространственное размещение отдельных групп населения позволяет говорить об определенной социальной сегрегации и стигматизации как результате проявления социального расслоения.

Ключевые слова: городская недвижимость; провинция; социально-пространственная дифференциация населения; городское население

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-85-94

Проблемы современных городов делают актуальным обращение к историческому опыту вопросов социальной морфологии российского провинциального города, взаимосвязи между его пространственными и социальными структурами.

На социальное зонирование города оказывали и оказывают влияние разные факторы: экономические, политические, экологические, религиозные и др. Изменение социальной структуры города находится в тесной взаимосвязи с развитием его пространства и инфраструктуры.

Размещение населения в городском пространстве становилось объектом анализа исследователей уже в конце XIX – начале XX в. Так, на основе результатов данных сплошной подворно-оценочной переписи недвижимых имуществ Воронежа, произведенной статистическим отделением Губернской земской управы летом 1899 г., под редакцией И.К. Воронова вышла работа «Город Воронеж: Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских недвижимых

имуществ» [1]. Она содержит обширный статистический материал, диаграммы, планы города с распределением населения по частям города на основе разных критериев.

В советской историографии большое внимание комплексному исследованию городов уделялось в работах И.М. Гревса, Н.П. Анцифорова и др. [2–3]. Отдельные аспекты проблемы социального расселения рассматривались в работах В.О. Руковишникова, Б.Н. Миронова [4, с. 56-60; 5–6]. Степень топографической обособленности каждого сословия проанализировал в своей работе американский исследователь Дж.Х. Батер [7–8]. Проблемы социального зонирования нашли отражение в зарубежной историографии (J. Bradley, J. Brooks и др.) [9–11]. Отдельные вопросы социально-пространственной дифференциации населения городов Центрально-Черноземного региона рассмотрены в ряде работ [12–13].

Сегодня проблемы социально-пространственной дифференциации населенных пунктов исследуются с использованием ком-

пьютерных технологий. Активно применяются ГИС-технологии [14–16].

Перспективы реализации комплексного подхода в репрезентации и изучении информации по региональной истории (локальной), полагают исследователи, обусловлены тем, что любой исторический регион представляет собой самодостаточный и в то же время компактный объект изучения для историка [17, с. 27].

Для исследования проблемы были использованы персонифицированные массовые источники, содержащие информацию о городской недвижимости и ее владельцах, месте жительства городских обывателей. Указанным критериям удовлетворяют адрес-календари и окладные книги городских недвижимых имуществ. Интерес представляют данные подворно-оценочных переписей недвижимых имуществ, проводившихся на основании закона 1893 г. об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами, списки городских избирателей в Государственные Думы, в которых по ряду городов (Воронеж и Курск) содержится информация о месте жительства избирателя и др.

Наиболее полно используемый комплекс источников позволяет проанализировать социально-пространственное распределение имущих слоев губернских центров: элиты и городских средних слоев.

Адрес-календари и справочные книжки содержат сведения обо всех учреждениях и организациях губернии и их личном составе. В них содержится информация о фамилии, имени, отчестве служащего, его чине, месте и должности. Особый интерес в связи с исследуемой проблемой представляют сведения о местах жительства лиц, внесенных в источник.

Информативным источником для исследования проблемы городской недвижимости и социально-пространственной дифференциации населения городов являются окладные книги для сбора налога с недвижимых имуществ. Окладные книги составлялись ежегодно, практически без изменения формуляра на протяжении двадцати пяти предреволюционных лет, на каждую часть города отдельно. Российский провинциальный губернский центр был разделен на полицейские части (3–4 части). Каждая часть была в свою очередь разбита на кварталы.

Окладные книги содержали сведения о виде имущества, его оценке для казенного налога, доходности, недоимках за истекший год, пени, размере уплачиваемого оклада. В них указывалось месторасположение имущества: часть города, квартал, улица (название улицы указывалось не всегда). Имущество значилось под определенным номером. Владельцами одного имущества могли быть и несколько человек (иногда целая семья), но формально все они выступали в качестве единого владельца (номер имущества был один).

В сведениях о владельце (владельцах) имущества указывались фамилия, имя, отчество, звание (чин, профессия, сословие), если речь шла о физических лицах. В том случае, если собственником недвижимости являлось учреждение или общественная организация, указывалось их название.

Окладные книги были, главным образом, рукописными. Встречались разночтения в написании фамилий, имен, отчеств, званий владельцев и возможных наследников недвижимости. При проверках выявлялись неучтенные ранее строения, которые вписывались в окладные книги в конце года. По новым имуществам не всегда были указаны доходность и величина налога.

Данные о звании собственников в окладных книгах представлены не всегда полно: мог быть указан либо чин (без указания профессии), либо профессия (без указания чина), либо сословие. Иногда информация о звании владельца той или иной недвижимости отсутствовала [18]. В какой-то мере профессии владельцев недвижимости позволяют выявить сведения о видах собственности (лавках, кузницах и других торговых-промышленных предприятиях).

Сдача жилья внаем в окладных книгах не фиксировалась. Наличие в источнике персонифицированной информации позволяет проанализировать факты владения одним человеком несколькими имуществами в разных частях города. Однако следует учитывать, что такие подсчеты на основании окладных книг являются усредненными, поскольку в книгах не всегда учитывались конкретные (иногда различные) доли собственности отдельных владельцев и совладельцев недвижимости. Такие сведения можно найти в нотариальных документах и в специальных

архивных делах о переходе недвижимых имуществ. Тем не менее, данные окладных книг позволяют вести поиск дополнительных сведений об этих людях в других персонафицированных источниках и получить о них, применяя компьютерные технологии, полную информацию [19].

Важной информацией окладных книг являются данные о стоимости и доходности недвижимых имуществ. Оценка городской недвижимости специальными комиссиями производилась на основании «Проекта общих оснований оценки городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 г.» [20]. Недвижимость оценивалась по чистой средней доходности при сдаче данного имущества внаем. При этом вычитались расходы, которые нес его владелец (ремонт, отопление и т. д.).

Сведения о наемной цене проверялись за последние 6 лет по показаниям соседей и бывших нанимателей (спрашивали и самих владельцев, но, очевидно, не очень доверяя им, их данные перепроверяли) [21, оп. 1, ед. хр. 560, л. 124]. Для тех из владельцев, кто не сдавал помещения внаем, указывалась возможная доходность по отношению к доходности однородных имуществ, сдаваемых внаем (наемная плата за год). В том случае, когда определение чистой доходности было невозможно, она исчислялась в определенном отношении к ценности имущества. Последняя зависела от ряда условий: степень прочности, материала постройки, хозяйственных удобств, выгодности местонахождения имущества (оценочный район), наличия этажей (каждый этаж имел свою норму оценки), ценности усадебной земли. Сведения о стоимости недвижимости достаточны для построения стратификации собственников, поскольку при единой методике оценки всех имуществ даже при неполной точности вычисления абсолютной стоимости отдельной недвижимости относительное расположение оценочных категорий сохранялось [22].

Город был разбит на полицейские части и оценочные районы. Так, в Тамбове было 3 полицейские части и 4 оценочных района. В Воронеже выделяли 3 части: Московскую, Дворянскую и Мещанскую и 3 оценочных района (по данным на 1899 г.). При делении города на оценочные районы выявляли и анализировали отличительные черты отдель-

ных частей и участков города по различным показателям: экономическим, демографическим, образовательным, социально-профессиональным и др. [1, с. 11]. Кварталы внутри одной административно-полицейской части могли относиться к разным оценочным районам.

Для Тамбова нормы оценочных районов были следующими: доходность второго района была ниже первого на 10 %, доходность третьего района – ниже на 20 %, доходность четвертого района – ниже на 33 %. Так, средняя плата за одну кв. сажень жилой площади первого этажа деревянного дома в первом районе оценивалась в 10 руб. 25 коп., во втором – 9 руб. 30 коп., в третьем – 8 руб. 02 коп., в четвертом – 7 руб. 03 коп. [20, с. 8].

Отношение доходности имущества к ценности законом от 8 июня 1893 г. предполагалось установить в пределах от 3 до 6 %. Доходность городских недвижимых имуществ Тамбова составляла 8 % [20, с. 17]. Стоимость городских недвижимых имуществ определялась и по страхованию их от огня. Торгово-промышленные помещения выделялись в особую категорию городских помещений и оценивались вдвое дороже жилых. Они были сосредоточены, главным образом, в первом и втором оценочных районах. Минимальная стоимость имущества, внесенного в окладную книгу Тамбова для взимания земского налога в 1907 г., составляла 25 руб., в 1912 г. – 50 руб., в 1917 г. – 10 руб., максимальная в 1907 и 1912 гг. – 273772, в 1917 г. – 475543 руб. [18].

Налог с недвижимых имуществ являлся одним из важных источников пополнения городской казны. Так, «раскладка губернского земского налога на предмет обложения на 1912 г.» показывает, что именно на недвижимые имущества Тамбова (как и ряда других провинциальных городов) падала значительная его часть – 2306481 руб. Для сравнения на тамбовские вагоноремонтные мастерские приходилось 1351631 руб., торгово-промышленные заведения (частных владельцев) – 1278600 руб., винные – 509575 руб., базарные и ярмарочные площади Тамбова – 87500 руб. [21].

Оценка недвижимости перепроверялась и могла быть повышена или понижена. Иногда имущество могло быть и совсем исключено из обложения. В графе «примечание»

окладных книг указывалось, например, что имущество сгорело, исключено из оклада по малоценности и др. [18].

Иногда возникали споры по поводу неверной, как считали владельцы недвижимости, оценки их собственности. Рыночная стоимость имущества была, как правило, более чем в десять раз выше оценки, указанной в окладной книге для уплаты налога с недвижимых имуществ. Особенно много разногласий было в случаях, когда имущество продавали или использовали в качестве залога. Так, между домовладельцем Тамбова С.Я. Красильниковым и городскими оценщиками разгорелся спор по поводу оценки его недвижимости для залога в городской банк. Городские оценщики определили стоимость имущества С.Я. Красильникова в 10500 руб. Он не согласился с данной оценкой и настаивал на том, что стоимость его

имущества должна была составлять не менее 15 тыс. руб. Оценщики считали свою оценку верной, поскольку «доходность заложенного дома должна самостоятельно... оправдывать банковский процент, ...а дом Красильникова ...не оправдывает себя и останется за банком. А оставшись за банком, не найдет себе покупателя – малоимущий не полезет в явную петлю, а капитальный человек, зная деньгам цену, не пожелает утруждать себя таким сомнительным по доходности домом» [23, оп. 45, ед. 48, л. 1-5об.].

Сведения источников, обработанные и внесенные в электронные базы данных, с последующей их визуализацией на картографическом материале конкретного города, дают возможность построить социально-пространственную дифференциацию городского населения (табл. 1, 2) [24].

Таблица 1

Пример запроса базы данных «Население Тамбова в начале XX в.»

Год	Тип_страты	№ квартала	Count-квартал (число человек)
1907	1	206	72
1907	2	206	42
1907	3	206	120
1907	4	206	13
1907	2	1	1
1907	3	1	1
1907	4	1	2

Примечание: 1 – элита; 2 – высшие средние слои, 3 – средние средние слои, 4 – низшие средние слои.

Таблица 2

Пример запроса базы данных «Население Тамбова в начале XX в.»

Год	Тип_страты	Звание	№ квартала	Count-квартал (число человек)
1912	1	Штабс-капитан	59	2
1912	3	Чиновник	114	1
1912	2	Чиновник	43	1
1912	2	Частный поверенный	9	1
1912	3	Фельдшер	214	1
1912	3	Учитель	67	1
1912	3	Учитель	49	1
1912	1	Купец	35	14
1912	3	Мещанин	53	13
1912	3	Крестьянин	49	13
1912	3	Крестьянин	206	13

Информация комплекса источников позволяет определить уровень «населенности» представителями элиты, средних слоев и социальных низов отдельных частей города (определив их сословно-профессиональную принадлежность), сетевые связи (внутригрупповые, территориальные, семейные, соседские и их сочетание), соотношение социального статуса и стоимости, комфортности, структуры жилья и др.

Анализ материалов позволил отметить ряд характерных черт территориального расположения имущества и проживания представителей разных социальных групп провинциальных губернских центров в конце XIX – начале XX в.

Так, в центральных кварталах второй части Тамбова располагались торгово-промышленные заведения. Крупная жилая недвижимость представителей тамбовской элиты, главным образом, находилась в южных кварталах второй и третьей частей города, которые отличал более благоприятный микроклимат и лучшее благоустройство. Отдельные объекты торгово-промышленной недвижимости представителей как высших, так и средних слоев были разбросаны по всему городу, разумно приближаясь к потребителю. Элементами рациональной топографии можно считать факты вынесения на окраины вредных для населения промышленных предприятий, складских помещений и других, нежелательных для центра города объектов торгово-промышленной инфраструктуры [13].

Данные позволяют определить районы преимущественного проживания различных слоев населения губернских провинциальных центров.

Например, только 9 % объектов недвижимости, принадлежавших элите Тамбова в 1907 г., находилось в первой административной части (самой бедной части города, где были сосредоточены самые дешевые строения), 46 % – во второй (в основном в первом, самом дорогом оценочном районе), 24 % – в третьей, 21 % – в «новых кварталах».

Иным было размещение недвижимой собственности представителей низших средних слоев губернского центра: 28 % принадлежавшей им недвижимости располагалось в первой части города (удельный вес беднейших мелких хозяев в этой части города ре-

ально был выше, поскольку в оклад не были включены самые «малоценные» из имуществ), 37 % – в «новых районах», 28 % – в третьей (в основном окраинные районы) и только 7 % – во второй административной части губернского центра [24].

В начале XX в. шло перераспределение крупных имуществ между административными частями Тамбова. Примерно две трети недвижимой собственности состоятельных горожан на рубеже XIX–XX вв. находилось во второй, «деловой» части. Однако ее удельный вес постепенно снижался. На протяжении двадцати предреволюционных лет доля недвижимого имущества высших слоев в первой административной части не изменилась, во второй – сократилась на 3 %, в третьей – выросла на 3 % [13].

Социально-пространственная структура провинциального губернского центра все в большей степени соответствовала принципам буржуазно-индустриального города.

Информация источников позволяет проанализировать размещение в провинциальном губернском городе населения в зависимости от сословной и профессиональной принадлежности.

Отдельные элементы сословно-профессиональной структуры города нашли отражение в названиях улиц и частей городов. Например, в Тамбове были улицы «Дворянская», «Семинарская», а в Воронеже административные части города назвались «Дворянская» и «Мещанская».

Сословная топографическая обособленность была не ярко выражена. В то же время наблюдались определенные «предпочтения» в размещении представителей отдельных сословий. Так, в Московской части г. Воронеж, по данным на 1899 г., дворянам принадлежало 83 объекта недвижимости (они составляли 13,3 % домовладельцев Московской части г. Воронеж), в Дворянской – 289 (21,4 % владельцев недвижимости), в Мещанской – 124 (9,4 %) [посчитано по 1, табл. 3, с. 66, 109, 157, 236].

При анализе размещения населения необходимо учитывать характер застройки и оценку степени благоустройства того или иного района, квартала города. Например, имущество купцов находилось как в центре, так и на окраине (как правило, торговые склады). Дворяне предпочитали селиться вдали от торго-

вого центра и промышленных предприятий: около 85 % дворянства Тамбова проживало в престижных, но не самых дорогих и не «торгово-промышленных» районах города, что было обусловлено в т. ч. родом деятельности большинства представителей этого сословия. Отличия в размещении представителей дворянства наблюдались в зависимости от принадлежности к той или иной социальной страте. Так, в первой части (самой бедной) Тамбова не было имущества дворян из числа элитарных слоев, а объекты недвижимости, принадлежавшие дворянам из числа городских средних слоев, были в кварталах и этой части города. Для подавляющей части дворян – владельцев недвижимого имущества, прежде всего дворян-чиновников, было характерно наличие недорогих домов и флигелей стоимостью от 300 до 1000 руб. Владение дорогостоящим имуществом сохранялось у представителей дворянства в основном «по наследству». Часть крестьян размещалась в торгово-промышленных, чаще окраинных районах. Представители мещанства были владельцами недвижимости и квартиронанимателями по всей территории города.

В пореформенное время экономическая и профессиональная топографическая сегрегация приходят на смену сословной, приобретая все большее значение. Так, согласно анализу распределения населения Воронежа в зависимости от профессии, в Московской части преобладали жители, занимавшиеся торговлей. Около 25 % от числа горожан, занятых данным видом деятельности, проживали в этой части. Для сравнения в Дворянской части таковых было только 9,9 %. Для жителей Дворянской части Воронежа основным видом занятий была гражданская (государственная и общественная) и военная служба (26,2 % населения). В Мещанской части около 30 % жителей были заняты в промышленности и ремесле [1, с. 54].

Топографический дуализм (характерный для столиц, когда благоустроенные центры занимают богатые, а окраины – бедные) в губернских центрах был несколько размыт. Хотя и сохранялась определенная социально-профессиональная и сословная «окрашенность» отдельных кварталов, жесткой социальной однородности районов не наблюдалось. Например, около 25 % владельцев недвижимости в Дворянской части г. Воронеж,

по данным на конец XIX в., по сословной принадлежности были крестьянами [посчитано по 1, табл. 3, с. 109].

Именно социальная принадлежность владельцев и стоимость их недвижимости являются наиболее существенными критериями, по которым можно судить о социально-пространственной дифференциации населения города.

Анализ пространственного размещения отдельных групп населения провинциального губернского центра позволяет говорить об определенной социальной стигматизации.

Указанный выше налог распределялся не на все недвижимые имущества города. В него не попадали те из них, которые губернская уездная оценочная комиссия и земские управы сочли малоценными. М. Горький в повести «Город Окуров» так описывал подобный тип домов, расположенных в самой неблагоустроенной части города, жители которых перебивались случайными заработками, в т. ч. воровством, шулерством, проституцией: «...хижины: черные от старости, с ключьями зеленого мха, на прогнивших крышах, они стоят на песке несколько криво...» [25, с. 11]. Как правило, данный тип домов располагался в наименее благоустроенных частях города, а их владельцы населяли самые жалкие улицы. «Лишенная воздуха, мещанская городская голь лишена и света. Здесь живут не гласные городской думы, а безгласные обыватели», – отмечал Н.М. Дружинин [26, с. 13].

Проведенный анализ соотношения жилищных условий и профессии населения Воронежа (по данным на конец XIX в.) свидетельствовал о том, что более 60 % от числа обитателей подвалов по профессиональной принадлежности были чернорабочими и поденщиками. Всего насчитывалось 4 тыс. человек, проживавших в подвалах (5–6 % населения города) [1, с. 64].

Городские власти разумно полагали, что взимать налог с владельцев подобных строений было бы затруднительно.

Вид, тип домов, их местоположение в самой неблагоустроенной части города влияли на отношение к их жителям власти и полиции, других горожан.

Эти улицы были менее благоустроены и освещены, на них часто отсутствовал водопровод. Жители этих улиц как «неблагонадежные элементы», «голытьба», «золотород-

цы» несли и иные «поражения в правах». В частности, они встречали больше препятствий при прочих равных условиях при открытии своего дела или поступлении на службу.

Данные улицы, как правило, совпадали с третьим и четвертым оценочными районами, здесь были расположены более дешевые объекты недвижимости, ниже цены на квартиры, меньший размер домов и усадеб, выше скученность населения.

Интерес представляет, например, то обстоятельство, что для купечества Воронежа (по данным на конец XIX в.) не было установлено фактов проживания в деревянных домах, не покрытых железом. Минимальный процент таковых был для дворянства. В этом типе домов в Московской части Воронежа проживали исключительно мещане и крестьяне. Большинство таких домов было расположено в Мещанской, самой бедной части губернского центра [1, табл. 3., с. 66, 109, 157].

Определенное влияние на социальную морфологию города оказали процессы урбанизации. Помимо постоянных жителей города были и временные. В этот период в городе было много отходников из села, которые оставались здесь иногда более года в ожидании вакансии, места или в надежде открыть собственное дело. В большинстве случаев они размещались по квартирам и «углам», сдаваемых внаем. Приток из деревни, по мнению исследователей, отразился и на уровне грамотности населения различных районов городов. Уровень грамотности соотносился с уровнем благосостояния. Наибольшее скопление неграмотных отмечалось на окраинах губернских центров, совпадавших с самыми бедными оценочными частями. Так, в третьей оценочной части Воронежа (по данным на 1899 г.) были неграмотны от 58 до 61 % жителей, а часть города, граничившая со слободой Чижовкой, отличалась, по свидетельству современников, почти деревенской безграмотностью [1, с. 40].

Меньше всего (от 34 до 36,7 %) неграмотных было в кварталах по обе стороны Большой Дворянской улицы (одна сторона входила в Дворянскую часть города, вторая – в Московскую). Согласно плану города, это была первая оценочная часть. В обратной зависимости распределялось число и удельный вес грамотных: 50 % населения цен-

тральной части были грамотны, в приближенной к центру – 40 %, в удаленной – 30 % [1, с. 9, 40-41].

Тип и локализация жилья горожан провинциального губернского центра в конце XIX – начале XX в. могут служить критериями социальной стратификации. В социально-пространственной подсистеме механизма городского устройства принадлежность к той или иной социальной страте начинает играть определяющую роль в дифференциации мест проживания того или иного горожанина.

Большинство владельцев недвижимости губернских провинциальных центров – физические лица. Факт владения городской недвижимостью играл большую роль в статусе горожанина дореволюционной России, служил важным индикатором его материального благосостояния и полноправности как городского обывателя. Владельцы домово́й недвижимости были одной из самых многочисленных социальных групп российских провинциальных городов.

Основной процент собственнических слоев составили представители мещанства и крестьянства. Однако при расчете соотношения числа недвижимой собственности и численности представителей того или иного сословия оказывалось, что приоритет принадлежал купцам, почтенным гражданам и дворянам. Так, в целом по Воронежу, по данным на 1899 г., дворяне являлись владельцами 15 % частных строений. При этом их удельный вес в составе населения города составлял около 8,8 %. На крестьян приходилось около 26 % от числа частных владельцев недвижимости Воронежа. Их же удельный вес в составе населения города был 50,5 % [рассчитано по 1, табл. 3, с. 66, 109, 157, 236].

Данные свидетельствовали о постоянном росте числа частных строений в городе в целом и росте строительства жилья, имевшего предпринимательскую направленность. Наличие в составе имущества более одного дома или флигеля, как правило, могло служить свидетельством о предпринимательском использовании помещения. «Лишние» помещения часто сдавались в аренду под торговые промышленные заведения или под квартиры. В Тамбове за десять предреволюционных лет число флигелей в составе имущества горожан выросло вдвое. Увеличилось и общее

число строений, находившихся в частном владении [18]. С 1883 по 1899 г. количество жилых строений, не считая общественных и казенных, в Воронеже увеличилось на 24,4 %. По частям города это увеличение было неравномерным. В Московской части (богатой и редко заселенной) число строений увеличилось на 44,3 %, в Дворянской – на 23,7 % (ограничена рекой), в Мещанской – на 14,2 %. Мещанская часть – это старое ядро города. Она была густо заселена, беднее, было меньше простора для нового строительства. Значительные темпы прироста показывало каменное, многоэтажное (2–3 этажа) строительство [1, с. 28–29].

Менялся и сам провинциальный российский город. Его территория расширялась, строительство объектов городской недвижимости велось уже за пределами городской черты, что находило отражение в названиях новых кварталов. Так, в Тамбове появились «Строения за Обводным каналом», «Строения за Цинским мостом» и т. п. Заселены они были, главным образом, представителями непривилегированных сословий, по роду занятия являвшиеся рабочими разных специальностей. Города росли и за счет включения в их состав прилежавших к городу слобод [27, оп. 38, ед. хр. 3609].

Таким образом, источники позволяют многопланово рассмотреть проблему социально-пространственной дифференциации горожан в конце XIX – начале XX в. В социальном зонировании российского провинциального города нашло отражение сложное сочетание классовых и сословных элементов. Модернизационные процессы, шедшие в российском обществе, оказывали влияние и на социальное зонирование провинциального города: социально-профессиональная принадлежность приходила на смену сословной. Топографический дуализм, присущий столицам и крупным промышленным центрам, в провинциальных российских городах аграрного региона не был столь явственным, не столь значительны расстояния, социальная сегрегация была не столь контрастна. Однако в различных обстоятельствах эти факторы по-разному сказывались на уровне социальной конфликтности. Определенное влияние на исследуемые явления оказали процессы, вызванные Первой мировой войной, в т. ч. беженцы, которые стали дополнительным

фактором социальной напряженности в провинциальном российском городе в 1917 г.

Список литературы

1. *Воронов И.К.* Город Воронеж: Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ. Воронеж, 1903.
2. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3. № 4. С. 487–508.
3. *Анцифилов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
4. *Рукавишников В.О.* Население города: Социальный состав, расселение, оценка городской среды. М., 1980.
5. *Миронов Б.Н.* Американские историки об урбанизации пореформенной России // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 155–157.
6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
7. *The City in Late Imperial Russia.* Bloomington: Indiana University Press, 1986.
8. *Bater J.H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal, 1976.
9. *Bradley J.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985.
10. *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton; New Jersey, 1985.
11. *Gregory I., Kemp K., Mostern R.* Geographical Information and Historical Research: Current Progress and Future Directions // Humanities and Computing. 2003. № 13.
12. *Канищев В.В., Орлова В.Д.* Население зажиточных усадеб Тамбова в 1917 г. Социально-демографический аспект // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Курск, 1994. С. 175–183.
13. *Зайцева О.М.* Социальная элита Тамбова конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
14. *Акашева А.А.* Нижний Новгород в 1860–1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.
15. *Баранова Е.В.* Динамика социально-культурной инфраструктуры г. Тамбова во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
16. *Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.

17. Варфоломеев А.Г., Иванов А.С. Компьютерное источниковедение. Петрозаводск, 2013.
18. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 145. Оп. 32. Ед. хр. 5; Оп. 37. Ед. хр. 1-3; Оп. 40. Ед. хр. 1-6.
19. Стрекалова Н.В. Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоев Тамбова в 1907–1917 гг. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2004. № 30. С. 23-25.
20. Проект общих оснований оценки городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 г. Тамбов, 1910.
21. ГАТО. Ф. 143.
22. Стрекалова Н.В. Доход населения провинциального города России в начале XX в.: проблемы, методика исчисления, фактор социальной стратификации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Т. 15. Вып. 9 (89). С. 223-228.
23. ГАТО. Ф. 17.
24. Стрекалова Н.В. Опыт реконструкции социально-пространственной дифференциации населения Тамбова конца XIX – начала XX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32. С. 185-187.
25. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. Москва; Ленинград, 1933.
26. Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. М.: Народное право, 1906. 23 с.
27. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1287.
6. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia of Empire period (XVIII – beginning of XX centuries): in 2 vols.]. St. Petersburg, 1999, vol. 1. (In Russian).
7. *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington, Indiana University Press, 1986.
8. Batey J.H. *St. Petersburg: Industrialization and Change*. Montreal, 1976.
9. Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, 1985.
10. Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, New Jersey, 1985.
11. Gregory I., Kemp K., Mostern R. Geographical Information and Historical Research: Current Progress and Future Directions. *Humanities and Computing*, 2003, no. 13.
12. Kanishchev V.V., Orlova V.D. Naselenie zashchitnykh usadeb Tambova v 1917 g. Sotsial'no-demograficheskiy aspekt [Population of prosperous manors of Tambov in 1917. Social and demography aspect]. *Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Problems of historical demography and historical geography of Central Black Earth Region]. Kursk, 1994, pp. 175-183. (In Russian).
13. Zaytseva O.M. *Sotsial'naya elita Tambova kontsa XIX – nachala XX v.* [Social elit of Tambov in the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Tambov, 2006. (In Russian).

References

1. Voronov I.K. *Gorod Voronezh: Naselenie i nedvizhimye imushchestva. Materialy dlya otsenki gorodskikh nedvizhimykh imushchestv* [Voronezh: population and chattels real. Materials for valuation of municipal realty]. Voronezh, 1903. (In Russian).
2. Grevs I.M. Istoriya v kraevedenii [History in regional studies]. *Kraevedenie* [Regional studies], 1926, vol. 3, no. 4, pp. 487-508. (In Russian).
3. Antsifirov N.P. *Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda* [Ways of city examination as a social entity. Experience of complex approach]. Leningrad, 1926. (In Russian).
4. Rukavishnikov V.O. *Naselenie goroda: Sotsial'nyy sostav, rasselenie, otsenka gorodskoy sredy* [City population: social structure, settlement, valuation of urban environment]. Moscow, 1980. (In Russian).
5. Mironov B.N. *Amerikanskije istoriki ob urbanizatsii poreformennoy Rossii* [American historians about urbanization of post-reform Russia]. *Voprosy istorii – Questions of history*, 1989, no. 6, pp. 155-157. (In Russian).
14. Akasheva A.A. *Nizhniy Novgorod v 1860–1890-e gg. Metodika rekonstruktsii sotsiokul'turnogo prostranstva goroda* [Nizny Novgorod in 1860–1890s. Methodology of reconstruction of social and cultural space of town]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Nizhny Novgorod, 2006. (In Russian).
15. Baranova E.V. *Dinamika sotsial'no-kul'turnoy infrastruktury g. Tambova vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Dynamics of social and cultural infrastructure of Tambov in the 2nd half of the XIX – beginning of the XX century]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Tambov, 2010. (In Russian).
16. Vladimirov V.N. *Istoricheskaya geoinformatika: geoinformatsionnye sistemy v istoricheskikh issledovaniyakh* [Historical geoinformatics: geoinformational systems in historical investigations]. Barnaul, 2005. (In Russian).
17. Varfolomeev A.G., Ivanov A.S. *Komp'yuternoe istochnikovedenie* [Computer Source studies]. Petrozavodsk, 2013. (In Russian).

18. *The State Archive of Tambov Region* (GATO). Fund 145. List 32. Archive unit 5; List. 37. Archive units 1-3.; List 40. Archive units 1-6. (In Russian).
19. Strekalova N.V. Sotsial'naya stratifikatsiya i sotsial'naya mobil'nost' srednikh sloev Tambova v 1907–1917 gg. [Social stratification and mobility of urban middle groups of Tambov in 1907–1917]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Information bulletin of association "History and computer"], 2004, no. 30, pp. 23-25. (In Russian).
20. *Proekt obshchikh osnovaniy otsenki gorodskikh nedvizhimykh imushchestv po zakonu 8 iyunya 1893 g.* Tambov, 1910. (In Russian).
21. *The State Archive of Tambov Region* (GATO). Fund 143. (In Russian).
22. Strekalova N.V. Dokhod naseleniya provintsial'nogo goroda Rossii v nachale XX v.: problemy, metodika ischisleniya, faktor sotsial'noy stratifikatsii [Income of population of provincial town of Russia at the beginning of 20th century: problems, methods of calculation, the factor of social stratification]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2010, vol. 15, no. 9 (89), pp. 223-228.
23. *The State Archive of Tambov Region* (GATO). Fund 17. (In Russian).
24. Strekalova N.V. *Opyt rekonstruktsii sotsial'no-prostranstvennoy differentsiatsii naseleniya Tambova kontsa XIX – nachala XX v.* [Experience of reconstruction of social-spatial differentiation of Tambov population in the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Information bulletin of association "History and computer"], 2004, no. 32, pp. 185-187. (In Russian).
25. Gor'kiy M. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected edition: in 30 vols.]. Vol. 11. Moscow, Leningrad, 1933. (In Russian).
26. Druzhinin N.P. *Meshchane, ikh polozhenie i nuzhdy* [Lower middle class, its condition and needs]. Moscow. Narodnoe pravo Publ., 1906, no. 32, 23 p. (In Russian).
27. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1287. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.01.2016 г.
Received 28 January 2016

UDC 94(47)«18/19»

SOCIO-SPATIAL DIFFERENTIATION OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN PROVINCIAL TOWN AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY: SOURCES, METHODS, RESEARCH PROBLEMS (on materials of the provincial centers of the Central Chernozem region)

Natalya Valeryevna STREKALOVA

Candidate of History, Associate Professor of General History and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Research of interrelation of spatial and social structures in the Russian provincial town at the end of XIX – the beginning of XX century is one of the actual directions of modern urbanistics. Problems of spatial differentiation of the population of the provincial center are considered. Social aspects of a question of ownership of city real estate are researched. Possibilities of use of data of the mass sources processed and brought in electronic databases with subsequent their visualization on cartographic materials of the specific city for research of social and professional, class, property spatial differentiation of the population of the Russian provincial town at the end of XIX – the beginning of XX century are analyzed. The complex combination of class and class elements of the Russian society of the end of XIX – the beginning of XX has found reflection in social zoning of a provincial town. The topographical dualism in the provincial center of the agrarian region has been expressed less contrastively than in capital cities and large industrial centers. However, spatial placement of separate national groups allows to speak about a certain social segregation and stigmatization as result of manifestation of social stratification.

Key words: city real estate; province; social and spatial differentiation of the population; urban population

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-85-94

Информация для цитирования:

Стрекалова Н.В. Социально-пространственная дифференциация населения российского провинциального города в конце XIX – начале XX в.: источники, методы, проблемы исследования (на материалах губернских центров Центрально-Черноземного региона) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 9 (161). С. 85-94. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-85-94.

Strekalova N.V. Sotsial'no-prostranstvennaya differentsiatsiya naseleniya rossiyskogo provintsial'nogo goroda v kontse XIX – nachala XX v.: istochniki, metody, problemy issledovaniya (na materialakh gubernskikh tsentrov Tsentral'no-Chernozemnogo regiona). [Socio-spatial differentiation of the population of the Russian provincial town at the end of XIX – the beginning of XX century: sources, methods, research problems (on materials of the provincial centers of the Central Chernozem region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 9 (161), pp. 85-94. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-85-94 (In Russian).